Что на этот счет думает Цзи Сяо? Погода неустойчива, человек балуется, жестокий и необузданный... Вэй Цинъюй казалось, что все отрицательные стороны этого мира отражаются в ней. Поэтому она удивилась, когда услышала знакомый звук из туалетной кабинки. Холодная вода лилась из крана, постоянно протекая сквозь пальцы Вэй Цинъюй, словно из нефрита. Бирюзовые глаза помутились, вода стекала по коже, окрашивая ее в нежно-розовый цвет. Она вспоминала о том, что только что произошло: речь Цзи Сяо по отношению к однокласснице. Она сказала, что омега – это существо, которым она восхищается. Она сказала, что омега не добыча и не рабы альфа, а свободные люди со своими мыслями. Своим проникновенным голосом она сокрушительно отругала девушку, которая со снисхождением отнеслась к омегам в туалете. Каждое предложение было высказано с точки зрения омеги, четко упорядочено, звучно и твердо, как у джентльмена.

Солнце медленно вытесняло клубы густых туч, отбрасывая тень на наружную часть туалета.

Вэй Цинъюй окинул взглядом потемневший мир, и в этой маленькой темной комнате снова возник тот снисходительный взгляд, с которым Цзи Сяо наблюдал за ним, когда он бился в лихорадке.

Между бровями девушки была родинка, как этот человек мог сказать что-то подобное?

В этот момент Вэй Цинъюю даже показалось, что человек, который был только что, — лишь его одноклассница, но голос её доносился отчетливо и громко.

Внезапно расширенные зрачки девушки потеряли фокус.

В центре его обзора безмолвно возвышался длинный стакан с выгравированным на серебристо-белой крышке экстравагантным алым цветком.

Вэй Цинъюй сразу же понял, что это стакан Цзи Сяо.

Солнечный свет хлынул в комнату, проникая через чистое стеклянное окно и вызывая рябь в бирюзовых глазах девушки.

Это действительно она.

Вэй Цинъюй заколебался, поднял чашку Цзи Сяо, упавшую в раковину, и вошёл в бойлерную.

Прозрачный стакан был поставлен на полку над моечным столом, безмолвно помогая Цзи Сяо скрыть доказательство того, что её альфа был в туалете для омег.

- Ух ты? А, это же Вэй Цинъюй? Какое совпадение.

Внезапно острый женский голос раздался у Вэй Цинъюя позади, и не слишком светлое помещение бойлерной почти полностью было перекрыто стоящей в дверном проёме особой.

Девушка встала на пороге, положив руки в карманы, её улыбающееся лицо дышало легкомыслием.

Вэй Цинъюй невольно вздрогнул, и рука, поставившая стакан, невольно замерла: «Лю Мэй-на?»

Эта Лю Мэй-на тоже была дудком, как и Цзи Сяо, но её методы запугивания были даже жёстче, чем у Цзи Сяо.

Прячась за своим дядей, являвшемся заведующим учебного отдела, в школе она часто осуществляла насилие против одноклассников, и многие обходили её стороной.

«С чего ты так удивляешься? Неужели, если на втором этаже нет воды, я не смогу спуститься на первый, чтобы набрать её?» Лю Мейна улыбалась и потихоньку подбиралась к Вэй Цин Ю, пока они шли к кипятильнику.

«Да», – холодно ответил Вэй Цин Ю. Не выпуская из рук чашку Цзи Сяо, он сделал шаг влево, чтобы держаться от Лю Мейны на расстоянии.

Как и следовало ожидать, Лю Мейна выпрямила руку и схватила Вэй Цин Ю за локоть. Повернувшись, она посмотрела на него: «Эй, не спеши бежать от меня».

«Отпусти», – приказал Вэй Цин Ю, не отрывая взгляда от Лю Мейны.

Даже в тот раз, когда Цзи Сяо заперли в чуланчике, в период его лихорадки, он никого не боялся, что уж тут говорить про Лю Мейну.

Лю Мейна усмехнулась. Её пальцы больно впились в запястье Вэй Цин Ю: «Почему же, если Цзи Сяо мог тебя трогать, я не могу?»

«Никто не может». Вэй Цин Ю произнёс эти слова с холодным спокойствием.

Похоже, что Джи Сяо в эти дни занят учебой, и у него больше нет времени сбрасывать тебя, эти кости слишком твердые. — сказала Лю Мейна, расхаживая вокруг Вэй Цинъюй фривольным взглядом.

Холодная и белая кожа девушки выглядит такой чистой, даже в тусклом свете, а из-за натяжения нежная розовость руки завораживает.

Лю Мейна слегка облизнула губы и спросила с тайным умыслом:

— Джи Сяо тебя временно не метканул?

Вэй Цинъюй посмотрела в грязно-серые глаза Лю Мейна с дурным предчувствием.

— Хорошо, дай мне понюхать свой феромон, в течение этого месяца я буду тебя прикрывать, не дам Джи Сяо обидеть тебя, идет? — сказала Лю Мейна и задышала Вэй Цинъюй в мочку уха.

Запах апельсина обхватил уши Вэй Цинъюй, а запах гнили распространился в ее носовой полости.

Это чувство возникло, как в последний раз, когда она почуяла феромон Джи Цинъюня за обеденным столом, и она с отвращением нахмурилась.

«Какое вы делаете лицо!» Лиу Мейна расстроилась, увидев, как брови Вэй Цинью нахмурились.

Скольким Омегам нравился феромон её пупочков свежего апельсина – благоуханием и свежестью отличался, а как попал к Вэй Цинью, так сразу такое выражение!

Вэй Цинью насильно терпел физический дискомфорт, усмехнулся и язвительно произнёс: «Неужели, вы же понимаете? Вы вызываете у меня рвотный рефлекс».

«Рвотный рефлекс?» В глазах Лиу Мейны проступила злость.

Отрицать вкус альфа-феромона, всё равно что не отрицать, что человек способен на человеческое.

Лиу Мейна крепко схватила запястье Вэй Цинью, ближе в себе потянула, «Боюсь, что вы долгое время находились рядом с Джин Сяо, что хорошенького вам не разглядеть. Как насчёт того, чтобы леди сегодня самолично помогла вам вернуться на путь истинный?!»

У Вэй Цинью всё пошло не так, отступая, силой сбросил путы Лиу Мейны.

Но у этой альфы мощь велика была слишком, и Вэй Цинью вновь её феромоном задет был, отстраниться не получится.

Пустой стальной лист едва коснулся каблучка девочки, и эхом разнёсся глухой «бум».

Прежде чем Вэй Цинъюй среагировала, её уже схватили за талию и бросили перед водонапорной платформой. Уйти ей было некуда.

Запах гнилых апельсинов в воздухе становился всё сильнее и сильнее. Вэй Цинъюй продолжала предостерегать: «Лю Мэйа! Предупреждаю, если ты без разрешения выпустишь феромоны в школе, тебя задержат на осмотр!»

Выслушав её, Лю Мэйа тихонько рассмеялась.

Её снисходительная и презрительная улыбка раздалась в тишине кипятильника.

«Что ж, давай попробуем». Сказав это, она наклонилась и, взъерошив длинные волосы Вэй Цинъюй на затылке, спросила: «Посмотрим, вызовет ли мой дядя сюда полицию, чтобы меня задержали».

Вэй Цинъюй почувствовала, что железы на контрацептивном пластыре вот-вот раскроются, и руки, в которых она держала стакан Цзи Сяошуй, немного сжались.

«Бум!»

В кипятильнике раздался резкий звук, спугнувший воробьёв за окном.

Воробьи Казуки зашептались и затрепетали крыльями, а птицы, спрятавшиеся в других зеленых шатрах, встрепенулись и полетели, словно цепная реакция.

В классе по-прежнему стояла тишина, через страницы скрипела затачиваемая ручка, раздавался треск листа бумаги. Никто не заметил, что творилось в стоящем поодаль кипятильнике.

Кроме Джи Сяо.

Девушка выронила ручку, когда писала последний ответ, и почувствовала неладное, взглянув на крупные стаи птиц, что вдруг поднялись за окном.

Внимательно наблюдая за направлением полета птиц, она взяла со стола стакан с водой.

Когда протянула руку, там было пусто.

Джи Сяо посмотрела на столешницу, где по идее должен был стоять стакан, и резко села прямо на стуле.

Как назло, в памяти всплыло, что она ставила стакан в раковину в женском туалете О.

Если кто обнаружит, что она альфа и ходит в туалет омеги, ее примут за извращенку и доложат родителям!

Цзи Сяо взглянула на часы, висящие над доской, и поняла, что до конца занятия остается десять минут.

Иди забери ее сейчас, уже поздно.

Цзи Сяо быстро пошла и за несколько мгновений дошла из экспериментального класса, расположенного в самой западной части, до восточного туалета.

Даже когда занятие уже почти закончилось, голоса учителей все еще разносились из каждого класса, за исключением туалета и кипятильной в восточной части учебного заведения.

Ветер, задувающий из далекого окна, трепал длинные волосы девушек, и Цзи Сяо, казалось, почуяла что-то неприятное, пока шла.

Кипятильная, которая была открыта по его приходе, резко закрылась.

"Ты что, жить уже не хочешь! Ты посмела ударить меня стеклянной бутылкой! Будь спокойной, я скажу своему дяде, чтобы он тебя уволил!"

Из закрытой кипятильной доносился глухой голос, и неприятный запах стал сильнее.

Это аромат альфа-феромонов!

Это не тот запах, который должен появиться в школе.

Жи Сяо тут же ощутил стеснение, и её чувство справедливости заставило её выбить ногой запертую дверь бойлерной и закричать: "Что вы делаете!"

Солнечный свет хлынул внутрь слабо освещённой бойлерной.

Находящиеся внутри люди один за другим посмотрели на Жи Сяо, их глаза выражали удивление.

"Жи Сяо?" Лю Мейна в недоумении посмотрела на человека, стоящего у двери.

Жи Сяо пришла в замешательство, стоящая перед ней особа на самом деле знала её.

Однако она не была с ней знакома.

Не успела она разозлиться на этот счёт, как во вторую секунду Жи Сяо перевела взгляд в другую сторону помещения, и её сердце замерло.

Вей Циньюй сидел на коленях посреди лужи из красного красителя для воды, крепко сжимая в руках обломок разбитой стеклянной балласты, обломки его острых краёв были направлены на стоящего перед ним альфу.

Подавленная феромонами альфы, она вся дрожала. Мокрая юбка и рубашка прилипли к ее телу, смущая ее.

Только она все еще держала спину распрямленной, исходящая от всего ее тела злоба делала ее похожей на привидение.

В небе поднялся порыв ветра, и тяжелые облака закрыли солнце.

Синева и зелень в глазах Вэй Цинъюй поблекли. В темно-зеленом свете она не могла разглядеть ни единого лучика света, а плотно написанные слова были полны ненависти.

В сердце Цзи Сяо одновременно переплетались страх и жалость.

Она сделала глубокий вдох и спросила: «Что ты вытворяешь! Разве ты не знаешь, что школа не позволяет альфам выпускать феромоны без разрешения!»

Лю Мэйну, показалось это забавным, и сказала: «Чего я только не увижу, так это как Цзи Сяо начинает соблюдать школьные правила?»

Она стряхнула с плеча разбитое стеклянное основание, прислонилась к полке с кружками и уже уверенным тоном заявила: «Твоя маленькая *** прокралась сюда, чтобы подвинуть эту чашку, что ты здесь поставила. Хочу помочь тебе воспитывать и образовывать. Кто ж знал, что у неё такой крутой нрав: разбила мне кружкой плечо, что до сих пор умираю от боли. Ты постой, поучишь её уму-разуму». Вэй Цинъюй слушал бред альфы напротив и в его глазах читалась лишь ненависть. Его голос стал хриплым: «У меня её нет». Просто каким-то был этот предмет для Цзи Сяо, раз даже Вэй Цинъюй на него не посмотрел. То, что он говорит — сказано для справедливого суда. А Цзи Сяо никогда и не была его справедливостью. Он даже мог спрогнозировать, как Цзи Сяо заставит Лю Мэйну силой запереть себя в тёмной комнате. А затем станет жестоко мучить себя… «Я знаю». Неожиданно раздался один голос рядом с головой у Вэй Цинъюя. Цзи Сяо протянула руку и подняла обессилевшую, что всё ещё сидела на полу.

http://erolate.com/book/4215/125823